

Наш пивной бар называется «Рыгалето», хотя на самом деле он никак не называется, а просто на железной стене возле двери можно разобрать полустершуюся трафаретную надпись:

Павильон № 27

Часы работы: 10.00 — 20.00.
Перерыв с 13.00 до 14.00.

Выходной день — воскресенье.

Павильон! Это мы умеем: вонючую пивнушку назвать павильоном, душную утробу автобуса — салоном, сарай с ободраным киноэкраном — Дворцом культуры. Павильон... Его соорудили прямо на моих глазах: варили из металлических труб и листового железа, а потом красили в ненавязчивый серый цвет. Но тогда никто и не догадывался, что это будет пивная! Думали, ну — вторсырье, ну — в лучшем случае, овощная палатка. Даже спорили на бутылку — но никто не выиграл, никому даже в голову не залетало: ПИВНОЙ ПАВИЛЬОН.

А происходило все это пятнадцать, нет, уже шестнадцать годиков назад. Я только-только окончил институт и распределился в только-только созданный вычислительный центр «Алгоритм». Если помните, страна в то время переживала эпоху всеобщего «асучивания», и казалось, наконец-то найдено совершенное и безотказное средство против нашего неодолимого бардака: мол, ЭВМ не проведешь и не обманешь! Потом выяснилось, что для нашего бардака компьютеризация — то же самое, что накладная грудь и косметика для неудавшейся женщины... Но это поняли потом. А тогда мы шли в компьютеризацию, как в революцию — с гордо задранной головой, бездумно-восторженным взором и клинической верой в скорую победу.

Первым вест о пивной, будто бы открывшейся в железном сооружении, принес Букин, наш местный, алгоритмовский, правдоискатель, отдававший все силы делу борьбы за справедливость, разумеется, в рамках господствующего беззакония. К тому же, страдая почками, он абсолютно не пил, — и это придавало его деятельности оттенок мученичества.

— Поздравляю! — горько сказал Букин, входя в машинный зал. — Будет пивная. Я видел, как разгружали автоматы!

— Ура-а! — завопили мы, вскочив со своих мест.

— Чего — ура?! — затрясся наш правдолюб. — Будет вам теперь — «Все об АСУ»...

Мы дружно заржали, ибо второй, сокровенный, смысл названия этого популярного в те годы справочника являлся предметом издевательств для целого поколения программистов. Но, конечно, тревога Букина была обоснована: жил он от «Рыгалето» неподалеку, а во что превращаются подъезды домов вблизи пивных точек — общеизвестно. Но нам, молодым, веселым, умеренно выпивающим и живущим у черта на рогах, эти опасения Букина казались смешными, а грядущие нерукоотворные моря в подъездах — по колено!

Зато только представьте себе: выйдя в 17.15 из нашего стеклянного ВЦ, где даже мыши размножались по причине всеобщей прозрачности, вы как бы между прочим заглядываете в свою пивную, привычно вдыхаете табачно-дрожжевой запах, подходите к автомату, напоминающему Мойдодыра, дожидаетесь своей очереди (минут десять — вот были времена!), бросаете в святящуюся щелку монетку, предварительно подставив под кран свою кружку (гигиенично, да и посуду искать не нужно) и нежно наблюдаете, как автомат, утробно крикнув, выдает вам одним пенным плевком 385 граммов жигулевского пива, а поскольку ваша собственная кружка в отсечке от казенной вмещает целый литр, можно повторить, как говорится, не отходя от первоисточника...

Конечно, нашу пивную павильоном мы не называли никогда. Смешно! Сначала беззастенчиво именovali «точкой», потом некоторое время — «гадюшником», года полтора держалось название «У тети Клавы» — по имени уборщицы, одноглазой старушки, которая смело бросалась разнимать дерущихся с криком: «У тети Клавы не прозорюешь!». Но вот выявился один замечательный завсегдатай — спившийся балерун из Большого театра. Интересно, что даже в совершенно пополамском состоянии он все равно ходил по-балетному — вывернув мыски. За дармовую кружку пива балерун охотно крутил фуэте и кричал при этом дурным голосом: «Р-риголетто-о-о!» Почему «Риголетто», а не, допустим, «Корсар» или «Щелкунчик», — никто не знал. Пивную

начали называть «Риголетто», потом «Рыгалето», что в общем-то более соответствовало суровой общепитовской действительности. Сам балерун вскоре, весной, умер прямо на пороге нашей забегаловки, не дожив пяти минут до открытия, до 10.00, до реанимационной кружки пива. А название намертво пристало к нашему железному павильону... Вспоминая того несчастного фуэтешиника и видя, как все вокруг переименовывается вспять, я думаю о том, что не каждому удается оставить после себя такой прочный след в жизни.

Заглянуть после напряженного рабочего дня в «Рыгалето» — стало доброй и прочной традицией нашего ВЦ, конечно, в основном его мужской части. Нарушить этот обычай могло только стихийное бед-

сушек — щелканье кастаньет.

Но вот уже несколько лет, как я стал тяготиться коллективными заходами в «Рыгалето». Нет, конечно, бывают ситуации, когда не отвертеться, приходится идти, поднимать кружку, декламировать ритуальный стишок, желать новых служебных побед или новых наследников, но если случается возможность, я заворачиваю сюда в одиночку. Знаете, хочется покоя и — вдумчивости. И еще после работы нужно как-то перестроиться: из энергичного ведущего программиста, покрикивающего на симпатичных молоденьких операторш, плавное превратиться в тихого, точно доходяга, экономящего каждый свой поступок, каждое свое движение отца семейства. Супруга моя суровая Вера Геннадиевна и не догадыва-

Юрий ПОЛЯКОВ

ПАРИЖСКАЯ ЛЮБОВЬ КОСТИ ГУМАНКОВА

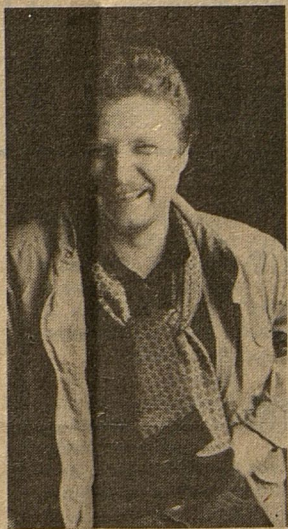
Москва. Кассетное издание
— 1991. — 75 страниц

ПОВЕСТЬ

Известный писатель Юрий Поляков даже в наше нестабильное время не меняет своих привычек. По давней традиции с его новыми работами самыми первыми знакомятся читатели «МК». И вот сегодня — фрагмент новой повести «Парижская любовь Кости Гуманкова». А полностью она будет опубликована, как всегда, в журнале «Юность» — в 6, 7 и 8-м номерах текущего года. Воспользовавшись тем, что автор заглянул к нам в редакцию, мы задали ему волнующий вопрос:

- А правда, что готовится к выпуску собрание ваших сочинений в 3 томах?
- Истинная правда.
- А когда же подписка?
- Следите за рекламой «Московского комсомольца».

Нам остается только добавить, что любые другие интересующие вас вопросы вы можете лично задать писателю во время авторского вечера Ю. Полякова, который состоится в Центральном Доме литераторов 20 мая, в понедельник, в 19.00. Ведет вечер поэт, главный редактор журнала «Юность» Андрей Дементьев, в программе, помимо ответов на вопросы, фрагменты кинофильмов «ЧП районного масштаба» и т. д. Билеты продаются 15, 16, 17 мая в кассе ЦДЛ по адресу: ул. Герцена, д. 53. Телефон для справок 291-62-78.

стие... или замызганная фанерка на двери:

ПИВА НЕТ

Если когда-нибудь задумают построить памятник жертвам великого эксперимента и даже объявят всесоюзный конкурс, я обязательно пошлю им свой вариант: циклопическая железная дверь, гигантский заржавленный замок и огромная фанерина с надписью: «ПИВА НЕТ».

Но тогда, в середине 70-х, эта табличка появлялась не так часто, как нынче, и в «Рыгалето» мы — нет, не отмечали, а именно обмывали пивом все мало-мальски заметные события нашей жизни: дни рождения, именины, повышения по службе, свадьбы, отпуска, прибавления в семействах, увольнения, разводы, торжественные проводы: на пенсию и — в лучший мир... Это стало ритуалом — сгрудиться у высокого, круглого, пахнущего селедкой стола, поднять кружки и чокнуться, предвзвешенно хором продекламировав стишок, неизвестно кем и неведомо зачем занесенный с идеологическим выверенной детской новгородной елки:

За мир и счастье на планете,

За радость всех детей на свете!

В особенно торжественных случаях в пиво добавлялось немного водки, и от «ерша» мир становился звеняще-легким и восхитительно простым. Правда, ненадолго. Здесь, в «Рыгалето», мы обмыли и мою негаданную свадьбу, мои служебные взлеты и падения, рождение моей первой и последней дочери Вики, получение малогабаритной двухкомнатной квартиры в Южном Чертанове, обретение шести соток под Волоколамском... Одним словом, все те события, которые превращают молодого безответственного циника в ответственного циника средних лет, готового поддерживать любой, самый идиотский режим, если тот гарантирует неизбежность очередного отпуска. Да, мы были шумливы, веселы и нетребовательны: пьяные байки какого-нибудь полпреда-расстриги заменяли нам дальние странствия, а треск ломаемых соленых

есть, что почти каждая практикантка, направленная к нам в сектор, обязательно, хоть ненадолго, влюбляется в меня, точнее, в то, что от меня осталось с тех шикарных институтских времен, когда мои кавказские шуточки повторялись на всех факультетах и курсах, а Ленка Пековский, беззастенчиво пользуясь принадлежащими мне каламбурами, хохмами и примочками, пытался охмурять даже аспиранток, не говоря уже об однокурсниках.

Итак, почти каждый вечер, прежде чем до утра стигнуть в ненасытной прорве семейного благополучия, я полчасика, а то и часик провожу здесь, в «Рыгалето». Стою и потихоньку из своей баварской кружки производства Дулевского завода фарфоровых изделий прихлебываю мутный желтый напиток, способный раз и навсегда лишить профессиональной чувствительности любого западного дегустатора пива. Но я не просто пью — я думаю! Мои размышления похожи на слоеный пирог: мысли существуют в некоем последовательном слипшемся единстве. Ну вот, например, только несколько сегодняшних слов:

— как усыпить бдительность доглядчивой супруги моей Веры Геннадиевны, и так непринужденно отдать ей квартальную премию, чтобы она не заподозрила меня в сокрытии четвертака, необходимо мне для регулярных медитаций в «Рыгалето»;

— как уговорить дочь Вики продолжать посещение музыкальной школы, если она ненавидит ее примерно также, как я некогда ненавидел хор мальчиков, куда меня воткнули родители, переболевшие в свое время страшным, с галлюцинациями и маниями, недугом под названием «Робертини Лоретти»;

— как понадежнее присобачить в ванной отвалившийся кафель, если клей БФ не держит, а под раствор нужно соскабливать окаменевший цемент, что приведет к повальному отлетанию плиток;

— как объяснить тот факт, что Ад и Рай очень легко представить в виде двух

блоков памяти некоего гигантского компьютера? Причем, первый блок хранит информацию о достойно прожитых жизнях, а второй, соответственно, — о прожитых паскудно. И благодать заключается в том, что хорошую информацию берегут. А возмездие — в том, что плохую информацию стирают. Хотя возможно, все обстоит как раз наоборот. Именно в этом смысл воздаяния...

— как объяснить супруге моей опасливой Вере Геннадиевне, что нежелание иметь второго ребенка еще не повод для того, чтобы превращать брачное ложе в лабораторию противозачаточных исследований;

— как выпутаться из дурацкой ситуации с заказчиком, одним гнусным трестом, который хочет свои липовые квартальные отчеты выдавать не в убогой, ветхозаветной машинописи, а для достоверности и радости начальства распечатывать свое бессовестное вранье на ЭВМ. Послать к чертям нельзя — Пековский голову оторвет, а делать — противно...

Ну и так далее.

«Слой» можно продолжать до бесконечности, но зачем? Во время размышлений я люблю оглядывать пивной зал, похожий на большой вокзальный сортир, где вместо писсуаров установлены пивные автоматы. Все остальное: запах, толчея, антисанитария — полностью соответствуют истинному назначению помещения. Впрочем, пиво сегодня неплохое, с горчинкой, наверное, останкинское, а бадяжское — кислятина!

Еще мне нравится вслушиваться в шум переполненного зала, выхватывать обрывки разговоров, а если попадетесь интересный, постараться вычленил его из шумного гула, словно русскую речь из шипения, писка, скрипа и басурманской скороговорки радиоприемника. В «Рыгалето» можно услышать что угодно: от сквернословного рассказа о производственном конфликте с гнидой-бригадиром до душераздирающей любовной истории, от парнокопытного мычания до искрометной полемики вокруг воззрений Пьера Тейяра де Шардена... Пиво, как и жизнь, любят почти все! Поэтому здесь можно встретить и собирающего опилки бомжа, и доктора философии, интеллигентно пригубливающего из особым образом обрезанного молочного пакета.

— Ну и грязь! — кротко возмущается пожилой мужичок, с виду командировочный; в одной руке он держит мыльную пузырящуюся кружку, в другой — чемаданчик, похожий на те, что бывают у электромонтеров. — Ну и грязь!

— Не в Париже! — беззлобно отвечает ему человек с фиолетовым лицом.

И мне совершенно ясно, что «Париж» — последнее географическое название, чудом зацепившееся в его обезвреженных алкоголем мозгах.

— Да уж... — соглашается командировочный и, зажав чемадан между колен, чтобы не ставить его на загаженный пол, присасывается к кружке. — Да уж, точно — не в Париже! — добавляет он, оторвавшись от пива, чтобы перевести дух.

Надо ли объяснять, что ни тот, ни другой в Париже никогда не были. Для них это — просто звуковой символ, таинственное место вроде Беловодья или Шамбалы, где люди существуют по иным, замечательным законам, где пол в пивных настолько чист, что можно безбоязненно ставить чемадан, и где посетители никогда не допивают до дна, давая возможность липовым бомжам поправиться и захорощеть.

А вот я в Париже был. Честное слово! Обычно я никогда не рассказываю об этом, особенно здесь, в «Рыгалето». Грустная история. Помните, у Маяковского: Неудачник не тот,

кого
роком грызет
И соседки
пальцем тычут,
Неудачник — тот,
кому повезет,
А он
не сумеет схватить
удачу!

Сказано точно про меня. Про мою парижскую любовь. Знаете, я иногда думаю, что удачливость — это не стечение жизненных обстоятельств, а просто черта характера, как, например, скромность, злобность, отходчивость... Вы согласны? Да? Значит, у нас много общего! И я, пожалуй, расскажу вам... Только подождите — сначала схожу налью еще пива, а вы держите мое место, никого не пускайте, если будут лезть, говорите: «Он сейчас придет!» Моя кружка вмещает литр... А ваша?..